

* * *

*Горький жребий выпал в смене дней:
До озноба сомневаться в праве
Говорить от имени теней
Под луной в серебряной оправе.*

*Слушать бредни сереньких вождей,
Возлюбивших злато лютых наций
И живущих в мареве идей
И в плену чужих галлюцинаций.*

*Но нельзя не верить, не любить,
Не внимать таинственному пенью.
А поэтом быть или не быть? —
Одному известно провиденью...*

* * *

*На посошок налейте мне вина,
И я Вас больше не побеспокою.
Мне сквозь бокал вселенная видна
И то, что открывается изгою.*

*Из города скорее убежать
Замыслил я к нетронутым сугробам,
Но не затем, чтоб зайцев обижать
Иль до погоста следовать за гробом.*

*Предназначенье видится в ином:
Ходить-бродить в обнимку с тишиною
И опьяняться вовсе не вином,
А памятью и ветром за спиною.*

* * *

*В Светлом Храме я под образами
В полном одиночестве стою.
Женщина с печальными глазами
Вновь не поняла печаль мою.*

*Сердится и морщит лоб Угодник,
Смотрит с осуждением сверху вниз,
Зная, что отпетый греховодник
Вряд ли заберется на карниз.*

*Медленно курится синий ладан,
Страшно угодить не в рай, а в ад.
Если я тобою не разгадан,
Значит, перед Богом виноват...*

* * *

*Зачем я разомкнул
Застывшие уста,
Когда Вам намекнул,
Что Вы уже не та,
И я уже не тот,
И жизни ход иной,
И все сильнее гнетет
Груз мысли неземной,
Что время утекло,
Как тень через забор,
А месяц сквозь стекло
Заносит свой топор?*

*Вы молвили: «Заря
Восходит над горой.
Ты жалуешься зря,
Мой сказочный герой.*

*Над нами встал туман
И поднялся с низин.
Как сладок был обман
Ночами долгих зим...»*

* * *

*И молодость давно отликовала,
И скрыл туман забытые мечты,
Но глянешь из окошка: подковала
Луна Стрельца — и радуешься ты.*

*И вроде все уж намертво забыто.
«Да все ли было?» — думается вскользь.
Одно крыло любовью перебито,
Другим крылом взмахнуть не довелось.*

*Печали нет. Растерянность едва ли
Врасплох застанет на исходе дня.
И в тишине покажется: позвали...
Подумаю: «Наверно, не меня...»*

* * *

А. Каберову

*Устану от мыслей, прощать разучусь,
А душу заездят обиды —
Проселками памяти в юность умчусь,
Где грезы еще не разбиты;*

*Где печь да полати, а рядом — безмен,
Весов незатейливый предок,
И дни не отравлены ядом измен,
И смех беззаботный не редок;*

*Где в старом овине стоят жернова,
А в горнице — прялка с куделью,
И мысль о бессмертии так же «нова»,
Как детская тяга к безделью;*

*Где выгон истоптан стадами коров,
Где светлые мысли теснятся,*

*Где кажется тесным родительский кров,
Но рифмы ночами не снятся.*

*Пусть вечно там росы звенят поутру,
Земле помогая вращаться,
И я от обид и тоски не умру —
Мне будет куда возвращаться.*

* * *

ПОВЕРЬТЕ МНЕ, Я ЧИСТ ДУШОЮ

Н. Рубцову

*Я такое сказать о себе и в бреду не смогу...
Отогревшись душой под багряными зорями,
каюсь
И за мелкую месть, и за долгую смуту в мозгу,
И неправедным быть до последней черты
зарекаюсь.*

*Ах, как хочется мне отбелить бытия
черновик,
Да не зря говорят, что из песни не выкинешь
слова!
И несдержан я был оттого, что юлить не
привык,
И глаза отводить не пытался от взгляда
косого.*

*Хоть обиды простил я давно и друзьям, и
врагам,
И грядущие дни пустотою уже не пугают,
Но былые грехи, словно гири, прилипли к ногам
И в небесную рать записаться меня не
пускают.*

*То ли лодку Харон до сих пор не успел осмолить,
То ли, хуже того, и его обуяла усталость...*

Значит, можно грехи, суету одолев,

отмолить,

И неважно уже, сколько дней мне на это

осталось...

* * *

Пусть вы о нас не слышали пока —

Нет нашей диспозиции на карте.

Мы — воины засадного полка,

Не мыслящие службы в арьергарде.

Наш полк, как никогда, необходим.

Мы вступим в бой однажды поневоле,

Но политое русской кровью поле

Врагам за серебро не отдадим.

Самарский, вологодский ли, тверской —

Не падки на чины и эполеты,

Но Дух, что нам оставил князь Донской,

В душе храним, поскольку мы — поэты.

Мы знаем цель засадного полка.

Мы — скрытая опора авангарда.

Враги о нас не ведают пока,

А значит — и не бита наша карта.

Ни Парижа огни, ни огни Тель-Авива

Не согреют — чужая земля...

Но распушит листочки плакучая ива,

О пощаде природу моля;

Но береза, живительным соком томима,

Вдруг начнет розоветь по весне,

И надежда, вчера промелькнувшая мимо,

Улыбнется приветливо мне.

А потом заиграет на небе зарница,

Закачается спелая рожь...

Уезжай, если греет тебя заграница,

И не бьет расставания дрожь.

Когда пошла моя дорога

По стыку хрупкому эпох,

Я горячо просил у Бога:

«Спаси ее, помилуй, Бог!»

И был я полон сил и мыслей,

Смекал, что чувствовать могу,

Как ночь на рожьем коромысле

Уносит в прошлое пургу.

И ветер, словно жеребенок,

Скакал вприпрыжку по кустам

И, как доверчивый ребенок,

Водил ладошкой по устам.

Я шел в ночи дорогой древней,

Земля звенела под пятой,

И над затихшею деревней

Качался ковшик золотой.

И я услышал ненароком

Ее тревожный тяжкий вздох

И шепот жаркий за порогом:

«Спаси его, помилуй, Бог!»

Нищенка тихо легла под кусты,

Взгляд никого не винит.

Рад бы помочь, да карманы пусты,

Мелочь — и та не звенит.

Песни, что я о России сложил,

Вряд ли по нраву дельцу.

Я — только правде сермяжной служил,

Он — золотому тельцу.

Призраком бродит по жизни тщета,

Тайно касаясь теней,

И нищета предъявляет счета

Сумраку прожитых дней. ■